

УДК 93/94

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И КРЫМСКОГО ХАНСТВА 60–90-х ГОДОВ XVI ВЕКА

© 2016 г. А.В. Виноградов

Статья посвящена роли служилых татар Посольского приказа в русско-крымских дипломатических «ссылках» второй половины XVI в. Рассмотрены обязанности и полномочия служилых татар, как направляемых в Крым с самостоятельными дипломатическими миссиями, так и приданных русским послам и гонцам.

Ключевые слова: служилые татары, русские гонцы в Крым, русская посольская документация по связям с Крымом.

История служилых татар Российского государства в целом рассматривалась в отечественной историографии в плане исследования крупных этно-сословных групп татар в Мещере, на землях бывшего Казанского ханства, в Романове и в других местах их компактного проживания (Габдуллин, 2006). В последнее время исследователями постепенно вводятся в научный оборот материалы посольских книг, прежде всего крымских, по определению статуса служилых татар, несших посольскую службу в их поместном землевладении, прежде всего в Московском крае в XV–XVI вв.

Исследование А.Л. Хорошкевич по проблеме «формирования новых этно-социальных групп на Руси» предпринятое в рамках ее труда «Русь и Крым. От союза к противостоянию» показало, что, по крайней мере, с 90-х годов XV в. служилые татары, представляют собой профессиональную корпорацию, сформированную по этническому принципу. Ее численность до конца XV – начала XVI в. достигала несколько сот человек. Они получают земли на великокняжеских подмосковных землях, условием держания является несение посольской службы. Характер этой службы четко прослеживается по источникам: доставка грамот, проводы московских посольств в позднесолотвордынские государственные образования – Крымский, Астраханский и Казанский «юрты» и в Ногайскую орду. В силу сохранности источников (посольских книг) более известны миссии служилых татар в Крым и Ногайскую Орду. Миссии в Казань, Астрахань и до конца XV в. в Большую Орду известны в основном по летописным источникам. Материалы крымских посольских книг, как показало исследование А.Л. Хорошкевич, могут дать материалы и по землевладению служилых татар (Хорошкевич, 2001, с. 310–312). Хотя в источниках не всегда указываются их родственные связи, очевидно, что посольская служба является семейным и, отчасти, наследственным занятием. По мнению И.В. Зайцева, во второй половине XVI в., после завоевания Казани и Астрахани, значение «подмосковных» служилых татар в посольской службе падает, и часть поместных татарских земель в Подмоскovie ими утрачено¹.

В посольских книгах 30–60-х гг. XVI в., в отличие от посольских книг 90-х гг., уже нет возможности определить формы социальной организации крымских татар. Это видно на примере крымских посольских книг. Напомню, что в 1486 г. в первой крымской посольской книге было выделено целых девять групп служилых татар (РИО, т. 41, с. 54–55). В дальнейшем столь детальные сведения уже не встречаются. К тому же, как известно, русская (московская) посольская документация по связям с Крымом за периоды 1505–1508, 1510–1515, 1519–1523, 1540–1544, 1548–1562, 1578–1584 и 1596–1623 гг. в полном объеме не сохранилась. Материалы «столбцов» только частично восполняют эти, по существу невозвратные потери (Рогожин, 1990, с. 30–32). Отсутствие источников за весьма продолжительный период времени не дает возможность детально проследить эволюцию несения посольской службы служилыми татарами в 30–60-х гг. XVI в. Однако, в сохранившейся русской посольской документации, и по связям с Крымом, и по связям с Ногайской Ордой, отчетливо видна тенденция усиления самостоятельной роли служилых татар в посольской

¹ Зайцев И.В. Русско-крымские отношения 1474–1551 г. Материал обсуждения первой главы плановой монографии на заседании Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН (не опубликован).

службе. От функций «перевозчиков грамот» и «сопровождающих посольства» они постепенно переходят к выполнению самостоятельных посольских миссий. Так, в 30-х годах XVI в. по материалам восьмой крымской посольской книги 1533–1539 гг., зафиксировано отправление в качестве гонцов служилых татар Мокши Кобякова в октябре 1535 г., Девлет-Хази Усенинова в марте 1536 г., Темеша Кадышева в июле 1536 г., Барашека Тулгозина в сентябре 1536 г., Кадыша Кудинова в феврале 1537 г. и многих других (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. Л. 214, 249, 289, 302, 309)².

К 60-м гг. XVI в. служилые татары – это особая категория русских должностных лиц в составе Посольского приказа, обязанностью которых было сопровождение русских посольских миссий в мусульманские страны, в первую очередь в Крым. Практически все они имели татарское происхождение, но большей частью были новокрещенами. Как показывают материалы русской посольской документации по связям с Крымом и летописные источники круг их обязанностей был весьма широк. Он предусматривал и отправление непосредственно в качестве гонцов в Крым и, наоборот, отправление обратно в Москву с «вестями» от уже находившихся в Крыму русских дипломатов (как гонцов, так и послов), что неоднократно имело место, например, при нахождении в Крыму посольства Ф.Д. Загряжского. При этом следует различать служилых татар, изначально приданных русским посольствам при их отправлении в Крым, и служилых татар, присоединившихся к ним в качестве вновь направляемых гонцов.

Служилым татарам, направляемым в Крым в качестве гонцов, как следует из сохранившейся за период с начала 60-х гг. русской посольской документации по связям с Крымом развернутых инструкций, как правило, не давалось, ограничившись краткими «наказами», а цели их миссии излагались в соответствующих «приговорах» об их отправлении (Там же. Д. 11. Л. 154–158 об. и др.). Предполагалось, что в Крыму хан будет принимать их только вместе с уже находившимися там русскими дипломатами. В ситуации, когда в Крыму русских дипломатов не было вообще, служилые татары, как правило, получали аудиенцию у хана. Необходимо отметить, что статус служилых татар, позволял отправлять их в Крым в любой момент и без сопровождения отпускаемого «по прежним обычаям» вместе с русским гонцом, имеющим более развернутые полномочия, задерживаемого «на Москве» крымского гонца или нескольких гонцов.

Служилые татары, направляемые в Крым в качестве гонцов в 1553–1564 гг.

В первое десятилетие правления хана Девлет-Гирея I (с 1551 г. до начала 60-х гг.) количество служилых татар, отправляемых в Крым в качестве гонцов, было весьма значительным. Вначале это было вызвано определенным понижением статуса русских дипломатических представителей в Крыму на фоне военно-политической конфронтации сторон на завершающей стадии казанских походов Ивана Грозного. В дальнейшем, в период длительного пребывания в Крыму посольства Ф.Д. Загряжского, когда двусторонние отношения по-прежнему носили конфронтационный характер, эта практика сохранялась и даже усилилась. В итоге наметившаяся еще в 30-х гг. XVI в. тенденция к увеличению количества служилых татар, отправляемых в Крым в качестве гонцов после 1553 г., привела к их абсолютному доминированию. Так как русская посольская документация по связям с Крымом вплоть до 1561 г. не сохранилась, ход русско-крымских ссылок прослеживается исключительно по летописным источникам (в том числе не сохранившимся и дошедшим до нас в составе труда В.Н. Татищева).

В период пребывания в Крыму посольства Федора Дмитриевича Загряжского, отправленного туда в июне 1553 г. и вернувшегося в январе 1558 г., туда отправлялись в качестве гонцов исключительно служилые татары. Они везли минимальное, даже по меркам отправляемых с «легкими гонцами», количество «поминок», но с ними обязательно отправлялись грамоты государя к хану, представителям династии Гиреев и к крымской знати. В дальнейшем в период «замораживания» русско-крымских дипломатических связей, наступивший в конце 50-х гг. и продолжавшийся до 1563 г., когда в Крым был отправлен посол А.Ф. Нагой, служилых татар по-прежнему направляли в Крым непосредственно в качестве русских гонцов. Всего по разным источникам с 1553 по 1563 гг. выявлено десять служилых татар отправляемых в качестве гонцов. Естественно, что их сопровождали «товарищи», количество которых по летописным источникам установить практически невозможно.

² Подробное изучение роли «служилых татар» в ссылках с Крымом периода до начала 50-х гг. XVI в. осуществляется в рамках вышеупомянутого исследования И.В. Зайцева.

Сенка Тугаев.

Отправлен в июне 1553 г. вместе с отпущенными крымскими гонцами во главе с Акинчеем с извещением об отправлении посольства Ф.Д. Загряжского (ПСРЛ, т. 13, с. 232). Вернулся в сентябре 1553 г. вместе с крымскими гонцами во главе с Тальшем Аталыком (ПСРЛ, т. 13, с. 234).

Бейберя Таишев (Байберя Тоишев, Туишев).

Вероятно был отправлен в составе посольства Ф.Д. Загряжского, который в апреле 1554 г. прислал его с «отписками» в Москву вместе с крымскими гонцами во главе с Бидал-мурзой (ПСРЛ, т. 13, с. 239; Татищев, 1996, с. 233; Рогожин, 1990, с. 31). Отправлен обратно в Крым в мае 1554 г. «с товарищи» вместе с отпущенными крымскими гонцами во главе с Тальшман аталыком и Бидал-мурзой (ПСРЛ, т. 13, с. 240; Татищев, 1996, с. 234). Вернулся в октябре 1555 г. вместе с гонцом бека Сулеша Яшлавского Кучелеком (ПСРЛ, т. 13, с. 261; Татищев, 1996, с. 249).

Юшко Мошков.

Отправлен в ноябре 1555 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 262). Вернулся в декабре 1556 г. вместе с крымскими гонцами во главе с Караджаном (ПСРЛ, т. 13, с. 276; Татищев, 1996, с. 261).

Сюондюк Тулусупов.

Отправлен «с товарищи» в январе 1557 г. вместе с крымскими гонцами во главе с Караджаном (ПСРЛ, т. 13, с. 278). Вернулся в декабре 1557 г. вместе с крымскими гонцами во главе с Тутаем Черкашениным (ПСРЛ, т. 13, с. 287).

Тавкей Темеев.

Отправлен в январе 1558 г. вместе с отпущенным посольством Шах Мансур-улана (ПСРЛ, т. 13, с. 288).

Зеленбек Кулабердеев.

Отправлен летом 1555 г. в качестве сеунча после падения Астрахани (ПСРЛ, т. 13, с. 247; Татищев, 1996, с. 239).

Тавыш Ятмыев.

Время отправления неизвестно. Вернулся в январе 1560 г. с «товарищи» (ПСРЛ, т. 13, с. 324).

Софка (Сенко) Тугаев.

Отправлен в январе 1560 г. с «товарищи» (ПСРЛ, т. 13, с. 324). Вернулся в апреле 1561 г. вместе с крымскими гонцами во главе с Уракчеем (ПСРЛ, т. 13, с. 332).

Девлет-Хозя Рязанов станица служилых татар.

Отправлен в декабре 1561 г. «с товарищи» вместе с отпущенными крымскими гонцами во главе с Тутаем Черкашениным (ПСРЛ, т. 13, с. 339). Вернулся в сентябре 1563 г. вместе с крымскими гонцами во главе с Ян-Магметем (Джан-Мухаммедом) и служилым татаринном Байкешем Темеевым (ПСРЛ, т. 13, с. 369).

Байкеш Темеев.

Возможно, был отправлен вместе с послом А.Ф. Нагим. Вернулся в сентябре 1563 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 369). Период пребывания посольства А.Ф. Нагого (июнь 1563 г. – осень 1573 г.) ознаменовался изменением роли служилых татар в дипломатических «ссылках» с Крымом. Они по-прежнему отправлялись в Крым в качестве гонцов, но в исключительных обстоятельствах. Всего зафиксировано два случая.

Тавкей Темеев.

Отправлен (во второй раз) 17 апреля 1564 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 382). Его отправление было вызвано чрезвычайными обстоятельствами: посланник Григорий Злобин, отправленный ранее с уведомлением о посольском размене и утверждении Иваном IV доставленным из Крыма противнем русско-крымского договора скончался в пути. Гонец должен был уведомить крымскую сторону об отправлении нового посланника Федора Андреевича Писемского. Его отправление с этой миссией явно объясняется тем, что он уже находился в Крыму в составе посольства А.Ф. Нагого.

Бейберя.

Отправлен в октябре 1564 г. формально как гонец царевича Ивана Ивановича к калге (первому наследнику престола) Мухаммед-Гирею (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 154). В действительности его отправление имело целью срочно прояснить ситуацию в двусторонних отношениях после осеннего крымского набега «на рязанские места» что было изложено в грамоте, отправленной с ним от имени Ивана Грозного к послу А.Ф. Нагому (Там же. Л. 158 об.–164).

Вскоре после этого практика отправления служилых татар в Крым в качестве гонцов прекращается.

Служилые татары, отправляемые с гонцами в период пребывания посольства А.Ф. Нагого

С 1564 года возобладает практика отправление в качестве гонцов в Крым исключительно «детей боярских»: Андрея Мясного в августе 1564 г., Семена Бертенева в июне 1565 г., Якова Змиева в марте 1566 г.; Семена Олябьева в феврале 1567 г., Истомы Осорьина в январе 1568 г., Ивана Чебутова-Ратаева в феврале 1569 г., Богдана Шапкина в январе 1571 г., Севрюка Клавшова в июне 1571 г., Ивана Судакова-Мяснова в феврале 1572 г. Зачастую они имеют достаточно широкие полномочия. Однако практически к каждому гонцу придавались служилые татары.

Иногда в русской посольской документации они именовались толмачами. Впрочем, круг их обязанностей не ограничивался ролью переводчиков. В большинстве случаев они по-прежнему именовались служилыми татарами. Прежде всего, они должны были отправляться обратно с известиями о каких-либо непредвиденных обстоятельствах на пути в Крым, что обычно фиксировалось в «памяти» выдаваемой гонцу. Обычная формулировка в «памяти»: «Как пойдет (гонец. – А.В.) ис Путивля в Крым, а учинитца ему весть на поле, нечто царь Крымской или царевичи или многие люди збираютца до них на Царевы и великого князя украины, и (имя гонца) с тою вестью прислати ко Царю и великому князю служилого татарина з грамотою» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 234об. – 235, 391 об. и др.). Зафиксировано три лица, приданных гонцам:

Келдыш Девлечаров, станица служилых татар.

Был послан в Крым в августе 1564 г. вместе с гонцом Андреем Мясным (ПСРЛ, т. 13, с. 384). Был убит при нападении «Литовскаого короля Каневских Черкакасов» на Овечьих Водах, по пути в Крым, о чем А. Мясной известил Москву (ПСРЛ, т. 13, с. 386).

Крым Беляков.

«Был послан в Крым в толмачех с Ываном Чабуковым» (Там же. Л. 240). Отправлен вместе с гонцом Иваном Чебутовым-Ратаевым. Упомянут в апреле 1569 г. в связи с возвращением в Путивль с вестями от И. Чебутова-Ратаева о нападении на него «черкасских казаков». Характерно, что путивльский наместник В. Карпов немедленно направил Крыма Белякова в Москву «ко Государю» для подробного доклада (Там же. Л. 240–240 об.).

Крым Аилов.

Отправлен с гонцом Богданом Шапкиным в декабре 1571 г. По его приезде в Крым в марте 1571 г. послан «для связи» к А.Ф. Нагому и Ф.А. Писемскому с извещением о прибытии и просьбой добиться у хана его размещения с послами (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 14, л. 8об.).

Служилые татары, приданные посольству А.Ф. Нагого

Состояние русской посольской документации зачастую не позволяет выяснить кто именно из служилых татар, упоминающихся в «отписках» посла А.Ф. Нагого и присоединившегося к нему Ф.А. Писемского, был изначально отправлен в Крым, а кто присоединился позднее при приезде многочисленных гонцов вплоть до 1572 г. Общее число в отдельные моменты пребывания посольства достигало количества до десяти человек. Они часто именуются толмачами. Обязанности: добыча политической и военной информации; выезд из Крыма в случае необходимости с целью доставить срочные известия, отправленные кому-либо из «ближних царевых людей» с официальными, а большей частью с неофициальными поручениями; разъезды по территории полуострова с различными целями, главным образом, разведывательного характера, в том числе в Кафу. Следует отметить, что по сравнению с относительно лаконичными отписками русских дипломатов из Крыма 30-х гг. XVI в., сохранившихся, главным образом, в составе восьмой крымской посольской книги, «отписки» А.Ф. Нагого и Ф.А. Писемского за весь период их пребывания более подробно описывают круг обязанностей служилых татар русского посольства в Крыму. Упоминаются следующие лица.

Ян-Муса (Джан-муса).

Был отправлен А.Ф. Нагим с грамотами к государю вместе с крымскими гонцами во главе с ханским гонцом Карашем (ПСРЛ, т. 13, с. 384).

Нагой Сеундюков.

В ряде случаев именуется толмачем (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л.260). Постоянно упоминается в статейном списке за март 1569 г. – август 1570 г. как один из главных «добытчиков информации», как правило вместе с толмачами Собаней Рязановым и Петром Ибаковым (Там же. Л.242 об., 243, 243 об., 244, 244 об., 248 об., 249, 249 об., 250, 251, 251 об., 253 об., 256, 256 об.,

257). С марта по июль 1569 г., когда послов выдворили из Кельяна (предместья Бахчисарая) в Мангуп, информация поступала практически еженедельно, а то и ежедневно. С ноября 1569 г. добыча информации возобновляется. В ноябре 1569 г. и неоднократно был послан из Мангупа к «ближнему цареву человеку» «князю» Сулешу для выяснения перспектив возвращения в Кальян (Там же. Л.260 об.). В статейном списке за декабрь 1570 г. – апрель 1571 г. также постоянно упоминается как источник информации (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 2 об., 3, 5 об., 6 об.).

Терибердей.

Отправлен с «вестями» о готовящемся походе хана весной 1571 г. Каким-то образом сумел выехать из Крыма. О его следовании к Москве с донскими казаками был извещен хан Девлет-Гирей I от русских перебежчиков накануне похода 1571 г. (Там же. Л. 24 об.). Вероятно, был перехвачен.

Нечай Татаров.

После заключения послов в Мангуп, в июле 1569 г., он, возможно, с санкции хана был оставлен ими «для связи» в Кальяне, откуда в октябре прибыл к ним с известием о возвращении хана и «царевичей» из астраханского похода (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 258 об.).

Кадыш Кудинов.

В апреле 1571 г. послан послами в Мангуп с рядом поручений (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об.).

Болбек Кулдеяров.

Сообщал информацию о прибытии литовского гонца в Бахчисарай в марте 1570 г. (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 276 об.).

В период пребывания посольства А.Ф. Нагого имел место также выкуп и присоединение к составу посольства служилых татар, находившихся в миссиях в Ногайской Орде. Так «Маия в 28 день (1569 г.) взяли на поле казыевы казаки служилого татарина Яныша Женаева сына, а был в Нагаех с Семеном с Малцовым» (Там же. Л. 254–254 об.). Он был выкуплен в Кафе и доставлен к послам. Внимание к нему было вызвано сведениями о судьбе С. Мальцева. Последний, как известно, тоже вскоре присоединился к послам.

Служилые татары придаваемые русским гонцам в конце 70-х – 80-х гг. XVI в.

После того, как посольство А.Ф. Нагого осенью 1573 г. было «выбито» из Крыма без посольского размена, наступает временный перерыв в русско-крымских «ссылках» до августа 1574 г.

В дальнейшем в качестве гонцов, зачастую посланников с особыми полномочиями отправляются только дети боярские. Им обязательно придаются служилые татары. Зафиксированы следующие лица.

Кадыш Кудинов.

Был в Крыму в составе посольства А.Ф. Нагого (см. выше). Вероятно, вернулся в его составе в ноябре 1573 г. Придан отправленному в Крым в августе 1574 г. Ивану Мясоедову. Вернулся в марте 1575 г. с «отписками» от Мясоедова (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 239в). Доставил из Крыма знаменитое «приснопамятное» послание Василия Грязного Ивану Грозному. Был отпущен из Крыма вместе крымскими гонцами во главе с Девлет-Килдеем.

Девлет-Хозя Рязанов.

Ранее отправлялся в Крым в декабре 1561 г. Придан отправленному в октябре 1576 г. гонцу (в ранге посланника) Елизарию Леонтьевичу Ржевскому (Там же. Л. 374).

Таким образом, в это время русским дипломатам, следовавшим в Крым, придавались опытные служилые татары, что, несомненно, свидетельствовало о том, как высоко оценивали в Посольском приказе их деловые качества.

В правление хана Мухаммед-Гирея II (лето 1577 г. – конец 1584 г.) ход русско-крымских дипломатических связей усложняется. Это связано с целым рядом факторов, прежде всего с катастрофой, которая постигла летом 1582 г. посольство князя М.Ф. Барятинского, практически полностью уничтоженное запорожскими казаками. Следует отметить, что до лета 1582 г., по сохранившимся материалам русской посольской документации, в Крым по-прежнему направлялись гонцы из числа детей боярских, зачастую в ранге посланников. После 1582 г. отрывочные сведения о них имеются в сохранившихся столбцах 123 фонда и в материалах 79 фонда РГАДА (Сношения с Россией и Польшей).

Боран Боданин.

Был придан отправленному в октябре-ноябре 1584 г. гонцу Ивану Судакову-Мясному, вместе с которым вернулся в июле 1585 г.: «Лета 7093-го июля в 2 день приехал ис Крыму к Москве Иван Судаков сын Мясного да служилый татарин станичная голова Боран Боданин» (РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 16. Л. 1).

Служилые татары, направляемые в Крым в качестве гонцов в 80–90-х гг. XVI в.

Кадыш Кудинов.

Известен по двоекратному пребыванию в Крыму в составе посольства А.Ф. Нагого и как приданный гонцу И. Мясоедову (см выше). Время отправления неизвестно. Упоминается в «наказной памяти», данной в апреле 1584 г. русскому посланнику в Речь Посполитую П. Толстому: «государевы служилые татарове Кадыш Кудинов со товарищи и ныне в Крыме» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 15. Л. 85).

В период «ссоры великой в Крымском юрте» к хану Ислам-Гирею II в Крым два раза осенью 1584 г. и в 1586 г. отправлялся опытный дипломат и разведчик Иван Судаков-Мясной.

Первым и последним служилым татаринном, отправленным в Крым к хану Ислам-Гирею II в качестве гонца, был *Бах Чилдей Исенеев*, Он был отправлен в марте 1588 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1, Д. 16. Л. 161], прибыл в Крым и присоединился к Ивану Судакову 8 мая 1588 г. (ИТУАК. № 14, с. 71). Отправление Исенеева было вызвано необходимостью срочно прояснить ситуацию в Крыму. Формально он направлялся к хану Ислам-Гирею. Фактически его целью было выяснить, насколько достоверными были сведения о смерти хана.

Бахтеяр Бакчюрин.

Наиболее известна миссия в Крым весной 1591 г. станицы служилых татар Бахтеяра Бакчюринна, направленного накануне похода хана Гази-Гирея II весной 1591 г., главным образом, с целью сбора информации о планах хана и выяснения судьбы задержанного в Крыму гонца Ивана Бибикова (Виноградов, 2012, с. 39). Хотя его статус изначально не предусматривал ведение с ним переговоров крымской стороной, обстоятельства сложились так, что Бакчюрину, по сути, пришлось исполнять посольскую миссию. Он был силой доставлен на аудиенцию к хану, несмотря на его требования идти туда только вместе с И. Бибиковым. На аудиенции вручил хану грамоты и после изложения ему ханом «неправды» своего государя был отправлен «за сторожи» в Чуфут-Кале, где и встретился с И. Бибиковым.

Таким образом, отправление служилых татар, широко практиковавшееся русской стороной в 50-е гг. XVI в. в период резкого обострения русско-крымских отношений, было возобновлено в периоды очередных кризисов на исходе царствования хана Ислам-Гирея II, весной 1588 г. в момент угрозы нового османского похода на Астрахань и накануне вторжения хана Гази-Гирея II весной 1591 г.

В начале XVII столетия роль служилых татар как особой категории служащих Посольского приказа возрастает, что наглядно показано в обстоятельном исследовании Д.В. Лисейцева «Посольский приказ в эпоху смуты». Д.В. Лисейцевым выявлено 34 служилых татарина и новокрещена Посольского приказа (Лисейцев, 2003, с. 287–292). При этом им в ряде случаев указывается размер жалования и сведения о земельных владениях. Весьма показательны в какие страны отправлялись служилые татары до начала 20-х гг. В большинстве случаев это Крымское ханство и Ногайская Орда.

Налицо наличие между служилыми татарами Посольского приказа родственных связей. Д.В. Лисейцев приходит к выводу, что «на рубеже XVI–XVII вв. среди служилых татар Посольского приказа начинает вырабатываться система наследственной службы в дипломатическом ведомстве» (Лисейцев, 2003, с. 183). Еще более интересно, что тенденция доверять служилым татарам Посольского приказа самостоятельные дипломатические поручения к 20-м гг. XVII в. усиливается, причем, в большинстве случаев это связано именно с миссиями в Крымское ханство. При этом Д.В. Лисейцев опираясь на материалы 123 фонда, которые, к сожалению, в этот период сохранились в основном в виде столбцов, отмечает развитие тех черт деятельности служилых татар в периоды их миссий в Крым, которые четко обозначились уже к середине XVI в. К ним относятся:

- отправление с экстренными сведениями от уже находящихся в Крыму русских дипломатов, и, наоборот, с срочными указаниями к ним из Москвы;
- разведывательная деятельность, что четко отражено в сохранившихся «отписках» всех русских послов и посланников в Крыму этого периода;

- активное использование служилых татар в качестве переводчиков;
- доставка по дворам крымской знати и «ближних царевых людей» «государева жалования».

В этой связи еще одно ценное наблюдение Д.В. Лисейцева заключается в том, что получившая дальнейшее развитие тенденция использования служилых татар в качестве переводчиков привела к тому, что в делопроизводстве Посольского приказа их зачастую именуют толмачами. В посольской документации по связям с Крымом такое положение начинает складываться уже с 60-х гг. XVI в.

Сложнее обстоит вопрос с численностью служилых татар отправляемых в дипломатические миссии. Введенные в оборот Д.В. Лисейцевым материалы 138 фонда РГАДА («Дела о Посольском приказе и служивших в нем») показывают, что после Смуты численность служилых татар, по крайней мере, сократилась.

Приводимая Д.В. Лисейцевым челобитная служилого татарина Т.Терегулова дает весьма красноречивую картину «золотого века» службы служилых татар в Посольском приказе с 80-х гг. XVI в. до Смуты: «А преж сего при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси и при царе Борисе было в Посольском приказе для турские, и крымские, и нагайские, и иных в мусульманские государства посылкок служилых татар станичных голов человек по десяти, а в иное время и больши. А з головами было в станице в товарищах с летучими человек по пяти, а с ыными по четыре и по три человека» (РГАДА, ф. 138, оп. 1, д. 1 (1613–1617), л. 288). Далее в челобитной перечисляется 11 станичных голов. Д.В. Лисейцев связал данную роспись с периодом после отправления А. Лодыженского в Крым (октябрь 1613 г.) и сделал вывод о том, что численность станичных голов Посольского приказа в первые годы после воцарения Михаила Федоровича не превышала традиционного числа и, следовательно, прежним оставалось и количество служилых татар (Лисейцев, 2003, с. 185). Однако этот вывод не бесспорен. Думается, что определенное сокращение количества служилых татар Посольского приказа после завершения Смуты могло иметь место. Список Лисейцева насчитывает 34 человека, в то время как сам он определяет общую численность служилых татар и новокрещенцев Посольского приказа на рубеже XVI–XVII вв. около 40 человек.

Напомним, что список Д.В. Лисейцева включает всех служилых татар выполнявших посольские миссии, в т.ч. в Ногайскую Орду. В настоящем исследовании выявлены служилые татары связанные только с «ссылками» Москвы с Крымом. С 1553 по 1563 гг. при отсутствии посольской документации выявлено 10 человек. Из них один определенно станичный голова. Исходя из того, что в большинстве случаев служилым татарам, отправляемым в Крым в качестве гонцов, придавались «товарыщи», общее количество служилых татар задействованных в «ссылках» в Крым уже в 50-х начале 60-х гг. могло приближаться к 30. Впрочем, общее количество служилых татар Посольского приказа 60–90-х гг. XVI в. может выявлено при комплексном анализе всех фондов РГАДА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 17–46.
2. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
3. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
4. ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемой Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 1–302. Дополнения к Никоновской летописи. С. 303–408.
5. Рогожин Н.М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА. М., 1990.
6. РГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), оп. 1, д. 15.
7. РГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), оп. 1, д. 8.
8. РГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), оп. 1, д. 11.
9. РГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), оп. 1, д. 13.
10. РГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), оп. 1, д. 14.
11. РГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), оп. 1, д. 16.
12. РГАДА, ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем), оп. 1, д. 1.
13. Сборник Русского Императорского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
14. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. / Публ. Ф.Ф. Лашкова // ИТУАК. № 14. Симферополь, 1891. С. 43–80.
15. Татищев В. Н. История Российская. Часть четвертая. Собрание сочинений. Т. VI. М., 1996.
16. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.

Список сокращений:

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РИО – Сборник Русского Императорского исторического общества.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

A.V. Vinogradov

**SERVICE TATARS OF THE AMBASSADORIAL ORDER IN IMPLEMENTATION
OF DIPLOMATIC COMMUNICATIONS OF THE RUSSAIN STATE AND CRIMEAN KHANATE
OF THE 60–90TH YEARS OF THE 16TH CENTURY**

The article is devoted to a role the service tatars of the Ambassadorial order in Russian-Crimean diplomatic «links» of the second half of the 16th century. Reviewed the duties and powers of service tatars as sent to the Crimea with a separate diplomatic missions, and transferred to Russian ambassadors and messengers.

Keywords: service tatars, the Russian messengers to the Crimea, the Russian ambassadorial documentation on communications with the Crimea.

Сведения об авторе:

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук (г.Москва).

Vinogradov Aleksandr Vadimovich – Candidate of Historical Sciences, Senior scientific employee, Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow).